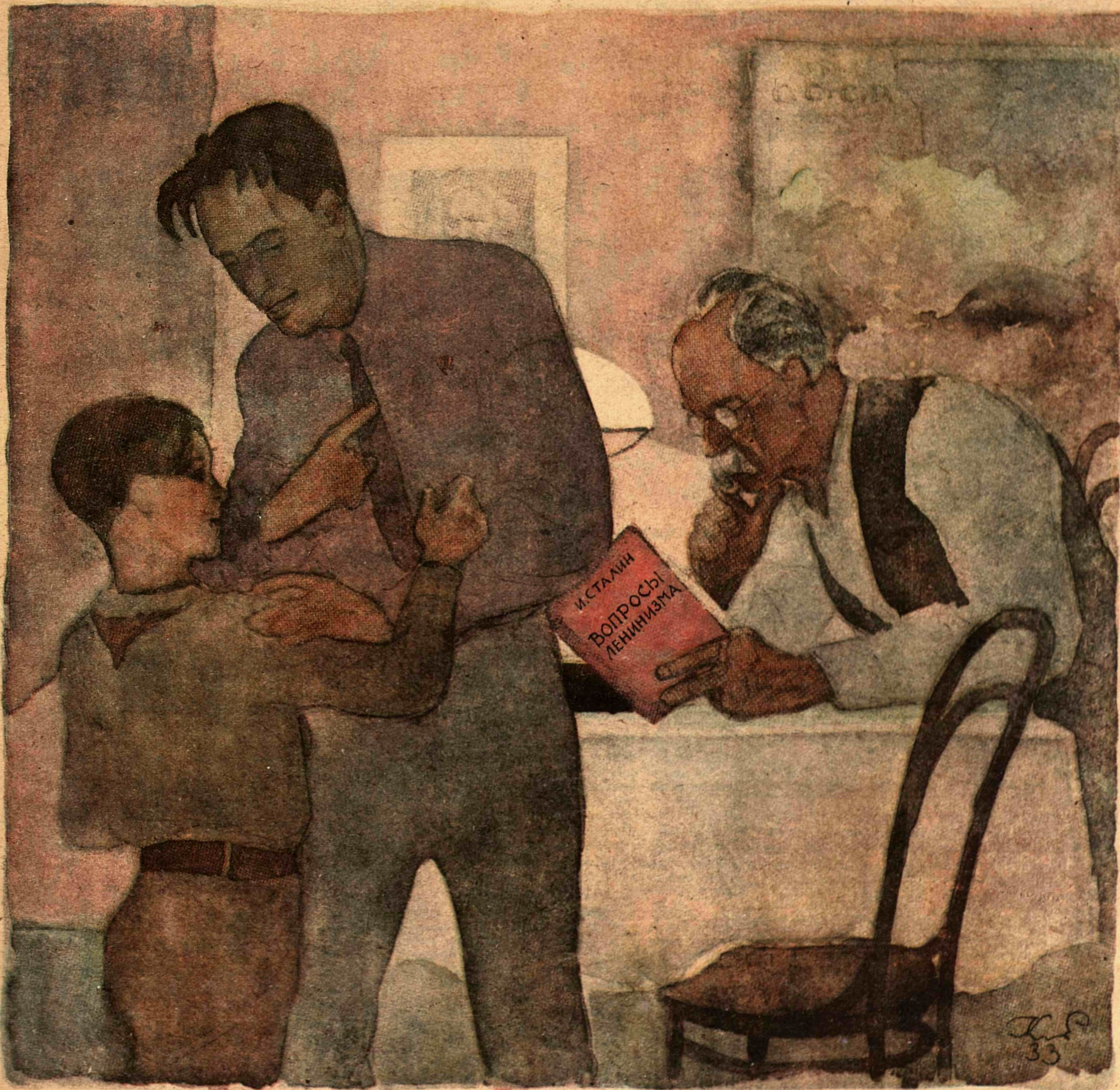

Кр о ж д и м

ПОЛИТУЧЕБА НАЧАЛАСЬ

Рис. К. Елисева (тема Я. Бельского)

— Не шуми!.. Папа готовит уроки...

НАУНА ОШИБАЛАСЬ
 Утверждают, что все крокодилы могут только ползать и плавать. За других крокодилов не ручаемся, но наш „Крокодил“ уже летал и еще будет летать.
 Сомневающимся предлагаем приобрести выходящий скоро специальный выпуск „КРОКОДИЛ В ВОЗДУХЕ“

В НЕДАЛЕКОМ ПРОШЛОМ

Рис. А. Толкиова (тема Г. Бельского и Светлова)

ЦКК запрещены излишние обследования на железных дорогах, мешающие нормальной работе.

Исследование причин опоздания поезда на 4 минуты.

НИКАКОГО ОТНОШЕНИЯ

Никифоров, председатель правления, закончив дела, вышел из кабинета и неспешно направился в уборную. Проходя мимо комнаты № 173, он задержался и удивленно прислушался:

— Чего это они там?.. Времени шестой час: давно бы должны по домам разойтись...

Дверь в комнату № 173 была полуоткрыта. До чуткого председателя уха явственно доносилось:

— ...Никуда негодная система зарплаты. Уравниловка, при которой заработная плата тем выше, чем ближе работники к канцелярии.

„Ловко, — подумал Никифоров. — И кто говорит?.. Соколов говорит, замзав канцелярией!.. Уж чья бы корова мычала... Ладно, послушаем, что еще скажете“.

— А еще что? — громко спросил помощник заведующего оргсектором Булгаков.

— А еще, — бойко и отчетливо проговорила пишмашинистка Лавринович, — падение дисциплины, расхлябанность, отсутствие единоначалия, плохая работа коммунистов...

Никифоров невольно развел руками:

— Ну-ну... Божья коровка, бессловесное существо — и туда же! Доверяй после этого людской наружности. Ах ты, двурушница беспартийная!.. Интересно, однако. Гм!..

— А еще? — спросил Булгаков. — Скажите вы, товарищ Курносов.

Товарищ Курносов, бухгалтер, сказал:

— Ну, слабое развертывание самокритики... А самое главное — недостатки руководства, организационные недостатки, все еще не изжитый канцелярско-бюрократический метод руководства!

Никифоров покраснел и криво усмехнулся:

— И до меня добрались! Небось, на производственных совещаниях помалкивают, а тут — на-ка поди: откуда что берется! Ишь ты, группочка сколотилась какая! Решили, значит, что начальство ушло, подслушивать некому и... и даже дверь притворить сочли излишним, голубчики!..

— ...А вот еще что, товарищ Булгаков, — опять заговорила пишмашинистка, — на важнейшие руководящие посты поназначали таких коммунистов, которые не знают дела и попусту кичатся своими партийными билетами. А хорошие беспартийные работники оттирались от руководства и только потому оттирались, что у них не было партийного билета в кармане!

Этого Никифоров не выдержал. Он открыл дверь, вошел в комнату № 173 и вежливо, но строго, негромко, но язвительно произнес:

— Не ждали, товарищи? Помешал? Извиняюсь. Но кое-что я невольно подслушал и... должен сказать! Я, конечно, не против самокритики, однако же... гм!.. Должны быть известные пределы и, главное, почему же меня не пригласить? Почему втихомолку, заочно? Я бы сделал исчерпывающий доклад, и тогда — пожалуйста, обсуждайте! Но так, не заслушав доклада, не взвесив объективных обстоятельств... Я не понимаю, товарищи!..

— Да... А мы этого... — сказал, слегка недоумевая, Булгаков. — Мы, значит, решили сперва на кружке проработать.

— Что проработать? На каком кружке?

— Текущей политики. Постановление ЦК и Совнаркома о транспорте. А если вы, Сергей Сергеевич, найдете время доклад нам об этом сделать, то, конечно, можно только приветствовать...

Никифоров поморгал. Затем высморкался. Затем сказал солидно и веско:

— Гм... Да. Доклад. Но, с другой стороны... Нет, едва ли, товарищи! О транспорте... собственно, какое ж я имею отношение к транспорту?.. Согласитесь сами!

— Это так, — согласился бухгалтер Курносов. — Не наша отрасль.

— В том-то и дело. Никакого отношения! Ну, а вы, товарищи, продолжайте. Не буду мешать. До свиданья.

— Всего хорошего, товарищ Никифоров! Никифоров повернулся, вышел, притворил за собой дверь, почему-то крякнул и деловито проследовал в уборную.

ГРАМЕН

ВЕРНАЯ ПРИЧИНА

— Почему это не идут на гомэцовские концерты? Цены на билеты выросли, что ли?

— Нет, цены прежние, но сами зрители выросли...

ПОЧЕМУ ОН МОЛЧИТ

(Разговор в берлинском кафе)

— А мой жилец Ганц Кранц ни слова плохого о фашистах никогда не сказал...

— Что же он — убежденный?

— Нет, глухонемой.

ОСКОРБЛЕНИЕ УЛЫБКОЙ

(Невероятно, но факт)

Неизвестно, какие беспоксйные мысли могут притти в голову скромному станционному служащему днепропетровского вокзала в августе месяце этого года, но во всяком случае тоска о штрафе сильнее всего уколола его мятущуюся в станционном масштабе душу.

„Так и вся жизнь, — уныло думал этот тихий человек с неподобаемой для дежурного по перрону фамилией Гордыня, — даже штрафовать некого...“

И действительно штрафовать было некого. Пассажиры курили самокрутки, ели хлеб с салом и ждали дождя. Ни за тучу, ни за сало, ни за дым на перроне безболезненно в наши дни не оштрафуешь. А штрафовать же надо же, если душа тоскует...

И тогда белым голубем успокоения на перрон опустился некий гражданин Москвер. Может быть, он даже не опустился, а с легким чемоданчиком вынырнул на перрон из вокзального буфета, но следующий его поступок уже разрядил напряженное состояние: гражданин Москвер улыбнулся.

И улыбнулся не в порядке самодельности или предавшись легким, как сон, мечтам, а улыбнулся, глядя на Гордыню.

— На кого улыбаетесь? — не без ехидства, но с нескрываемой надеждой спросил Гордыня.

— А на вас, — с детской беспечностью и в том же стиле признался улычанный; — смотрите, как вы без дела ходите, и улыбаюсь...

— Не может быть, — уже совсем обрадованный переспросил Гордыня, — человек при исполнении, а вы улыбками улыбаетесь?

— Именно, — подтвердил гражданин Москвер, — улыбнулся и даже не раскаялся...

Около четверти часа Гордыня, утирая рукавом пот, мучительно обдумывал формулировку штрафа.

— За улыbanie при служебном исполнении? Длинно... За оскорбление при исполнении через улыбчивость — плохо... Нахальное улыbanie — грубо... Оскорбление действием через усмеяние — непонятно... Э, была не была...

И, сдерживая радостное волнение, он уже стоял перед гражданином Москвером с готовой штрафной квитанцией.

— Попрошу, гражданин, 10 рублей.

— За что?

— В квитанции объяснено.

В квитанции значилась рожденная в муках творчества формулировка штрафа:

„За улыбку к дежурному по перрону“.

Остаток дня Гордыня ходил успокоенный и веселый. Тоска по штрафу исчезла, как легкая тучка с полуденного солнца. Пассажиры глубже прятали кошелки и старались думать о семейных несчастьях, чтобы не улыбнуться. Конкретная глупость висела над тихой станцией, как сизое облачко над дальней дорогой.

АРК. БУХОВ

ПРИМИТЕ И ПРОЧ

НА ЧЕТЫРЕ КОПЫТА

В Германии выпущены коврики для вытирания ног с портретом Гитлера и таким лозунгом под портретом:

Адольф Гитлер, научи
Чистыми нас быть.
Ариец не должен быть свиньей,
Вытирай ноги, немец.

Коврики, говорят, имеют большой успех, но очень быстро изнашиваются: их покупателям ведь надо вытирать сразу четыре ноги.

ПАЛКА КАК ЗАРЯДНА

В одной из английских провинций учитель Трок избил десятилетнего ученика за уроком. При опросе

Трок оправдывался, что он нечаянно воспользовался большой палкой, предназначенной для старших учеников.

Учителя оставили на месте. Ведь человек систему воспитания не на-

рушил, а если ошибся в выборе палок, с кем же этого не случается в буржуазной школе.

2 ЗУБРА 2

Одна из варшавских газет сообщает, что в Беловежской пуце поймали бешеного зубра. Другая газета сообщает, что князь Салуга выступил с речью, направленной против мирного договора с СССР. Повидимому, случаи бешенства среди зубров имеют место не только на территории Беловежской пуцы. Варшава от них тоже не застрахована.

КОНТУРЫ УЭЛЬСА

В своей новой книге „Контуры грядущих вещей“ Герберт Уэльс предсказывает Европе на ближайшие десятилетия войны, эпидемии и фашизм.

Ассортимент — не блестящий. Приятно только отметить для мирозерцания буржуазного утопизма, что он холеру и фашизм считает равноценными явлениями, а насчет порядка их прихода, — это дело, конечно, десятое...

НА ЗАПАДЕ

Рис. и тема А. Радакова

— В этом мусорном ящике нам нечего делать, тут уже были люди...

Б Л А Т - Н О Т

Пускай потрепан переплет
И стерлась позолота,
Блок-нот стареет, но живет
Могущество блок-нота.
Он чист и свеж когда-то был,
На девушку похожий,
Теперь всего две буквы: „Бл...“
Видны на темной коже.
Но как волшебный талисман
Его любовно прячут
В обширный боковой карман,
Уютный и горячий.
И часто нервная рука
В толкучем, людном месте
Над сердцем шупает слегда,
Чтобы проверить: Здесь ли?
Из сотен книжек — ни одна
Не видела заботы
Такой, какая отдана
Потертому блок-ноту.
Здесь каждый маленький листок
Хранится, точно паспорт.
Блок-нот бесценен, как платок,
Когда приходит насморк,
Не зря ему такой почет, —
Он совмещает сразу
Сухой и деловой расчет
С романтикою сказок.
Он испещрен рядами цифр
Квартир и телефонов.
И в каждой цифре — тайный шифр
Неписанных законов.
Крестов и сносок переплет,
Как в корректурной гранке...
Здесь есть и коврик-самолет
И скатерть-самобранка.
Два слова: „Петин корешок“,
А в скобках („санаторий“).
Ну, чем не сказка: дай звонок, —
И завтра ты у моря!
„Сергей (пластинки, патефон)“,
„Ник. Ник. (насчет шамовки)“, —
И всюду сбоку телефон,
Как дух незримо ловкий.
Устроить хочешь ты пикник
Иль „корешку“ дать ужин, —
Звони, — и вмиг тебе „Ник. Ник.“
Достанет все, что нужно.
Но есть и сложные ходы, —
Филейная работа, —
Тогда зови на помощь ты
Весь тайный шифр блок-нота.
Достань отрез („через Петра“),
Пошли его Абраму.
(„Абрам в редакции с утра,
А вечером — у дамы“).
Отдать Абраму твой отрез
И нужно и полезно:
Добыть поманжет „Э-Че-Эс“
Тебе гамбит отреза...
Блок-нот всегда держа в руках,
Вы лишь играть сумеете
На телефонах и звонках,
Как на волшебной флейте.
И станет вдруг зима весной,
Задует ветер майский, —
И жизнь предстанет как сплошной
Распределитель райский...
Пускай потрепан переплет,
И стерлась позолота, —
Блок-нот стареет, но живет
Могущество блок-нота,
В нем каждый столбик новых
цифр —
Сокровище для взора...
Пока не расшифрует шифр
Допрос у прокурора.

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-НУМАЧ

Шифр-блок-нот
с 7 до 3х

Сухух
Ю

А
Миша
Д 199-17

Миша
К
Д 226 36
-26
123

Со.
55248
33940
16-90

23/8
90 сто 76
Миша
ицу

Г 106 40
Миша

А
Б
В
Г
Д
Е
Ж
З
И
К
Л
М
Н
О
П
Р
С
Т
У
Ф
Х
Ц
Ч
Ш
Щ
Ы
Э
Ю
Я

О „ВЕСЕЛЕНЬКИХ“ СИТЦАХ

Помните, какую гоголевская дама, просто приятная, прислала сестре материйку? „Полосочки узенькие, узенькие, какие только может представить воображение человеческое, фон голубой и через полоску все глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки“.

Наше Главное хлопчатобумажное управление таких материек не вырабатывает. Не потому не вырабатывает, что „это пестро“, как отозвалась о материйке дама, приятная во всех отношениях, а потому не вырабатывает, что „это аполитично и беспредметно“. Главное хлопчатобумажное управление, в лице своего отдела Союзхлопкосбыт, разрисовывает „веселенькие ситчики“ совсем другими узорами.

— Это такое очарование, которого просто нельзя выразить словами! Вообразите себе: ситец „Пятилетка в четыре года“. Фон коричневатый, а через полоску все пятерки и четверки, пятерки и четверки, пятерки и четверки...

— Милые, это глупо!

— Ах, нет, не глупо! Да, поздравляем вас: ситец с цветочками или крапинками мы больше не делаем! На место них—красноармейцы.

— Как, красноармейцы?..

— Красноармейцы, все красноармейцы: с танками, с винтовками, с пулеметами. Оборонный ситец. Можно сказать решительно, что ничего еще не было подобного на свете!

— И все ситчики такие же веселенькие?

— Не только ситчики. Фланель, сатин, бумага. Вот, мило до чрезвычайности,—сатин „Турксиб“. Верблюдик, точки и паровозик, верблюдики, точки и опять паровозик. „Ситец „Кролиководство“. Фланель „Хлебосдача“. Политграмма в полном объеме. Вообразите себе: супругу Прасковью Федоровну надо проходить чистку, а политзнаний у него—никаких! Так что же Прасковья Федоровна? Она шьет себе из наших тканей десяток платьев, полдюжины белья,—и супруг волей-неволей политпросвещается. Очарование!

— А не безобразие?

— Очарование, сплошное очарование! Но платья с текущей политикой—это только начало. В дальнейшем мы предполагаем спускать в массы посредством наших тканей вообще полезные знания. Можно, например, изготовить арифметическое платье: спереди — задача, а сзади решение. Или, например, так: блузка-фантази из антиалкогольной материи... Знаете, зеленые змии, а между ними — сердце и печень пьяницы! И к этой блузе — санитарно-просветительная юбка из фланели „Не позор, а несчастье“...

Но довольно шуток. Дело тут серьезное — и невеселое дело. Ведь мы не клеветаем и не сочиняем: не мы выдумали, смеха ради, ситчики „Турксиб“ и „Кролиководство“, а выдумал их и „спустил в массы“ — не для смеха, а для широкого потребления — Союзхлопкосбыт.

Он, этот самый Союз, изъял дело разрисовки тканей из ведения фабрик (там „беспредметность“) и сконцентрировал его в особых рисовальнях (тут уж „идеология“).

Московская рисовальня старается, если не ошибаемся, больше других. Это она, работающая под просвещенным руководством т. Рушинова (кандидат ВКП(б), тридцатипятилетний стаж), щегольнула ситчиком „Турксиб“: пара верблюдов, подозрительные кучки и исковерканные паровозики. Это она, „идеологически контролируемая“ тт. Перепелицыным (чл. ВКП(б) и Муниципальной, разукрасила ситчик „Кролиководство“: маленький кролик отворачивается от большой моркови. Это она, идейно возглавляемая художником из 53 человек, разрисовала ткани красноармейцами, похожими на чертей, уродливыми тракторами и безликими „краснофлотцами“, и „пятилетка в четыре“, и пионерскими барабанами, очень почему-то смахивающими на фашистскую свастику.

Это она. Ее художество. Ее разрисовочки. Не одинаковые разрисовочки, а разные. Одни — просто опешляющие наше строительство, наши лозунги, наши достижения, другие — опешляющие их во всех отношениях.

Веселенькое творчество союзхлопкосбытовских рисовален заинтересовало Московскую горКК. Она внимательно рассмотрела продукцию этого творчества и пришла к выводам, не весьма утешительным для вдохновителей и авторов „идеологической разрисовки“.

Приблизительно, к таким:

„Хотя услуга нам подчас и дорога, Но за нее не всяк умеет взяться...“ и т. д., по Крылову.

НИКИТА КРЫШКИН

У МИКРОФОНА — БУБЕНЧИКОВ

Что мне Гекуба,
И что я Гекубе?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ: — Тов. Бубенчиков, расскажите собранию вашу биографию. Говорите в микрофон, чтобы вас слышало все собрание.

БУБЕНЧИКОВ: — Я родился в Воронеже в 1899 году в ночь на седьмое декабря по старому стилю. По словам моего отца, мелкого служащего, мое появление на свет было для него и моей матери большой семейной радостью, так как родившаяся за год до меня дочь Анна вскоре умерла. И вообще мои родители предпочитали мальчика. В честь моего деда, бывшего участника крымской кампании, меня нарекли Сергеем. Помню, когда мне минуло шесть лет, мы ездили гостить к бабушке. Хорошо помню, — у бабушки была совсем, совсем белая борода, и помню еще, что бабушка...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: — По существу, тов. Бубенчиков.

БУБЕНЧИКОВ: — Хорошо. Бабушка была уже совсем старенькая, и мы, то-есть наше семейство, взяли ее к себе. Вместе с нами бабушка поехала в Иркутск. Лично мне Иркутск не понравился. Климат там не важный. У нас в Иркутске были две небольшие комнаты. Одна — проходная и темная, так что ее можно было и не считать. И вот — хорошо помню: приезжает мамин дядя. Семья у нас была, хотя и небольшая, но поместить дядю буквально негде. Дядя проживала в Иркутске...

Вскоре после этого мы переехали на Украину, в Конотоп. Мне Конотоп понравился. И вот, как сейчас помню...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: — А вы все-таки покорооче.

БУБЕНЧИКОВ: — Хорошо. Вот, значит, к тому времени у меня уже было закончено высшее начальное образование. Хожу я, значит, и думаю, что мне, парню, дальше делать?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: — Вы все-таки... покорооче...

БУБЕНЧИКОВ: — Хорошо. Когда мне исполнилось девятнадцать лет, я полюбил. Это была первая любовь в моей юной жизни. Ее звали Евгенией. И я думаю, товарищи, каждый поймет то состояние...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: — Ближе к делу, тов. Бубенчиков. Я думаю, каждый понимает то состояние, но это не обязательно для данного собрания.

БУБЕНЧИКОВ: — Хорошо. Но это очень существенная подробность, так как женился я на другой девице по имени Елизавета. Уже вскоре после свадьбы мы переехали в Харьков, где я служил в страховом обществе „Россия“. Жили мы тогда по Сумской улице, в доме № 44. Снимали небольшую комнату с окном во двор. Квартирная хозяйка, помню, овдовела. И помню, на похоронах...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: — Корооче, тов. Бубенчиков. Расскажите, что вы делали после Октябрьской революции?

БУБЕНЧИКОВ: — В уездном городе Павлограде я получил письмо из Череповца. Свояченица предлагала нам занять половину ее флигеля. Мы посоветовались с женой и решили переехать в Череповец. Надо вам сказать, что у нас уже подрастал четырехлетний сын Олег, а также ожидалась дочь. И как вы сами понимаете, товарищи...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: — Что вы делали в Череповце?

БУБЕНЧИКОВ: — Я служил в стражкассе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: — Где еще работали?

БУБЕНЧИКОВ: — В Саратове... Однажды мы получили телеграмму из Саратова. В тяжелом предчувствии мы с женой распечатываем телеграмму и сквозь душившие нас слезы читаем: „Папы не стало убита ваша мама“. Можете себе представить, товарищи, то состояние.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (нервно): — Вы переехали в Саратов?

БУБЕНЧИКОВ: — Квартира моего покойного отца в Саратове была удобнее, чем флигель в Череповце, в котором...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: — Дальше.

БУБЕНЧИКОВ: — Из Саратова с детьми мы переехали в Калининскую область, в бывшую Тверь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: — Дальше.

БУБЕНЧИКОВ: — Из Твери переехали в Москву, где и по настоящее время, как вы это всем, товарищи, хорошо известно...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: — Все?

БУБЕНЧИКОВ (нерешительно): — Все.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: — Но вы ни слова не сказали, тов. Бубенчиков, о партии. Ведь мы все-таки проверяем вас, тов. Бубенчиков, как члена партии.

БУБЕНЧИКОВ (спохватившись): — Ах да, хорошо. И вот, товарищи, я вступил в партию...

(Длительная пауза.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ: — Все?

БУБЕНЧИКОВ (решительно разводя руками): — Все!

За секретаря собрания Л. МИТНИЦКИЙ

ДУРАК НА СКАЧКАХ

Дурак, афишку взяв из пачки,
Узнал, что предстоит „с препятствиями скачки“,

И козыряющий везде
Своей общественной ролью,
Предупредил:

— Я не позволю
Чинить препятствия везде!..

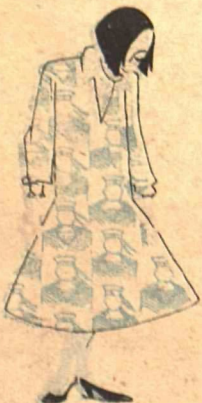
Такая форма благовождения
Вредит делам коннозаводства.

ПЕРЕНАМЕНОВАННЫЙ КЛАССИК

Завмузреданцией, подант и формалист,
Прочел на рукописи: „Лист“,
И начертал не без отваги
(Я резолюцию, не зная нот, прочту):
„Лист расточительно. Перерасход бумаги.
На сокращение! Свести к полулисту“.

Гласят подобные примеры,
Что нет у многих чувства меры.

ЭМИЛЬ КРОТКИЙ.

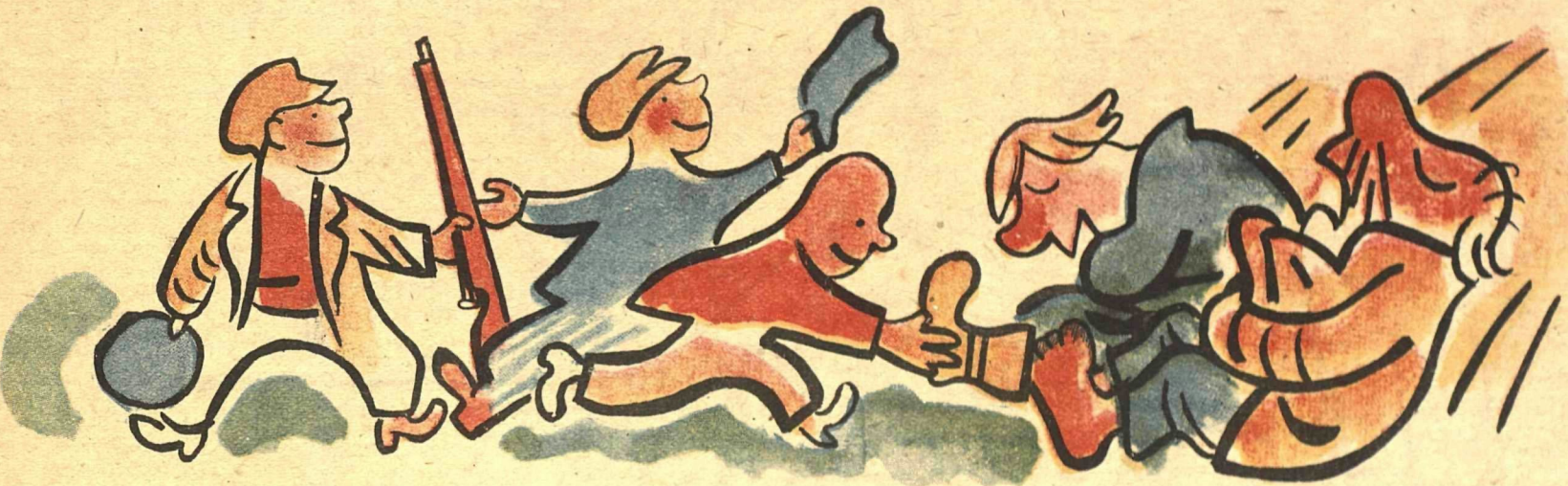

2 сентября комсомольский рейд проверял постановку охраны зерна на 1-м отделении Платовского зерносовхоза (Средняя Волга).

У бунтов с хлебом рейд застал спящими сторожа Степанова, кладовщика Никулина и контролера Литовченко. У сторожа комсомольцы отняли ружье. Он не проснулся. Унесли несколько мешков пшеницы, стучали в железные ведра и плиты, производя всяческий шум, — бесполезно, «охранители» продолжали безмятежно спать.

Наконец у контролера Литовченко сняли с ног ботинки и брюки, но и это не помогло. Сторожа продолжали мирно спать. Потребовалось много усилий, чтобы их поднять.

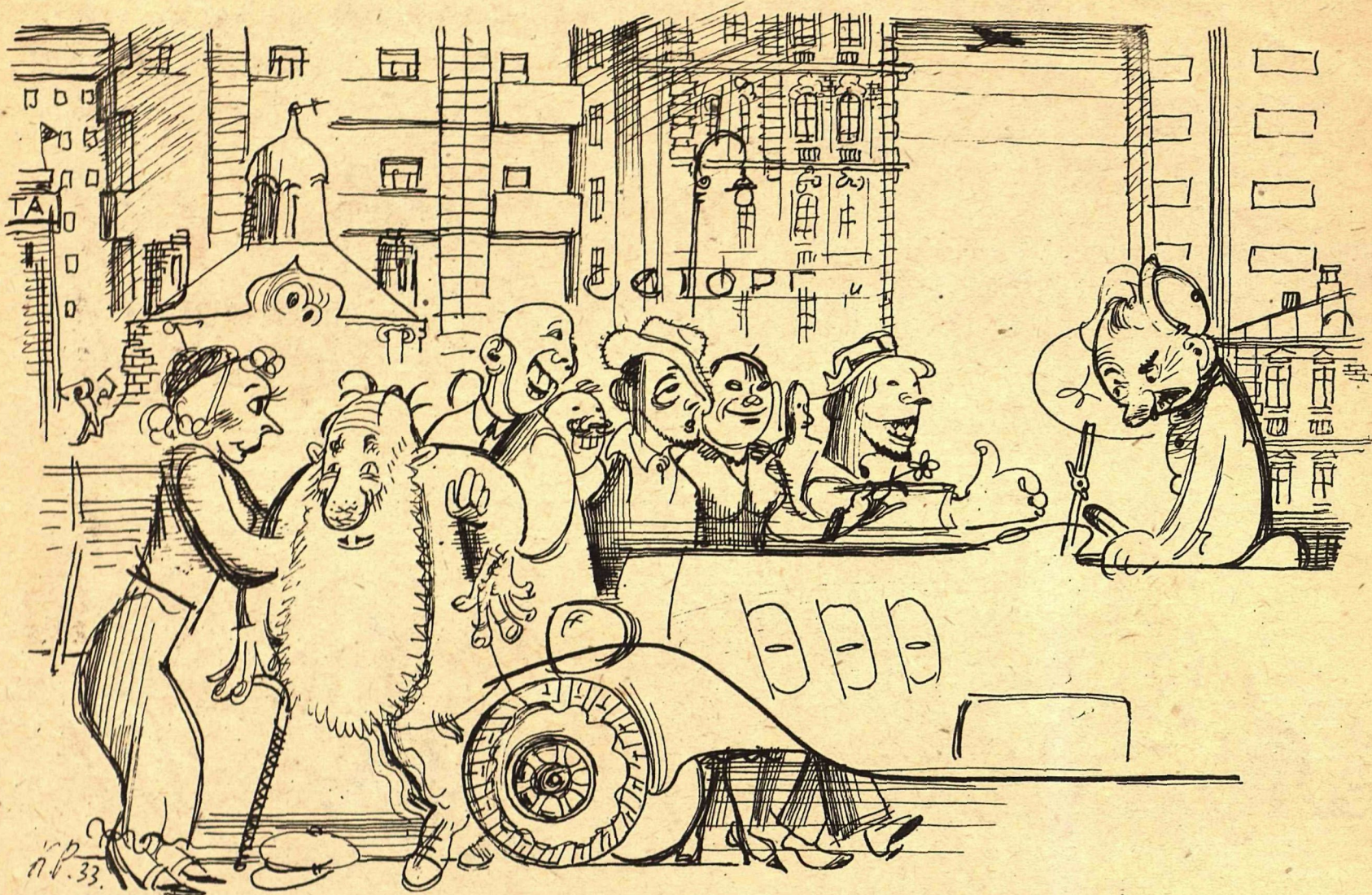
КОГДА ПРОСЫПАЕТСЯ СПЯЩИЙ

„НЕСЧАСТНЫЙ“ СЛУЧАЙ

Рис. К. Ротова (тема Я. Бельского)

Производятся массовые испытания шоферов.

ПУБЛИКА: — Какой вы молодец, как ловко остановили машину. Вы спасли жизнь человеку!..

ШОФЕР: — Понимаете, мотор вдруг сломался, а то я бы тюкнул этого старика вдоску...

АЛ. ИСБАХ

Отрывки из романа „Радость“

СВЯТОЙ НИКОЛА

Терентий Никитич Карякин с нетерпением ждал дня святого Николая. В этот день должен был разрешиться спор между ним и Стариковым о том, кто больше прогуливает — деревенские или городские.

Две недели назад, придя после двухдневного прогула в цех, токарь Сайкин обнаружил у себя на станке плакат. На плакате общался с бутылкой человек, в котором Сайкин без особого труда узнал себя. Под карикатурой шли четко печатными буквами выписанные строчки, обведенные жирной черной рамкой:

Сайкин без устали пиво гнал бы. Плевать на завод! Сиди и кури! Он всю пятилетку прогулял бы и пропиал бы новую года в три.

Слова четверостишья были весьма язвительными. Но не это обидело и ошеломило Сайкина. Больше всего уязвлен он был тем, что нашлся в цехе человек, который его, главного мастера по составлению частушек, поразил его же оружием.

До сих пор по всяким частушечным делам единственным специалистом в цехе считался Сайкин. К нему обращался и редактор цеховой газеты и даже сам секретарь партячейки Стегалов. И это особое положение в цехе льстило Сайкину и он, сам нередко прогуливая, звонким стихом крыл других прогульщиков.

Теперь, видимо, его монопольному положению в цехе приходил конец.

„И кто бы это мог быть“, — думал Сайкин, перечитывая в десятый раз строчки и ища в них погрешностей. Погрешностей он не находил. Стишок был составлен хлестко. Он и сам бы не написал лучше.

У соседних станков посмеивались. Явно над ним. И тут только до него дошел явно обидный смысл четверостишья не просто как литературного произведения, а как прямого обвинения, брошенного ему, Сайкину.

Особенно обидели его последние строчки: „И пропиал бы новую года в три...“ Его, Сайкина, зачисляли в простые пьяницы и прогульщики.

„Сволочи!“ — хмуро подумал он, пуская станок.

В обеденный перерыв он не пошел, как обычно, в круг, а пристроился у станка Карякина, где собирались потолковать цеховые старички.

— Ловко тебя, Сайкин, продернули, — ядовито сказал Стариков.

— Это называется пристегнули, — поддержал его Фокин.

— Подумаешь, — стараясь казаться беззаботным, ответил токарь. — Я им завтра в ответ десять приволоку...

— Э... тут частушками не отбреешься. Тут работу давай, — серьезно поглядел на него Карякин. — Цех работает в полном напряжении. На весь мир слово дали бакинцам, а ты словно пятно в нашей бригаде.

Сайкин уважал Карякина, ему неприятно было слышать укоряющие слова старика, и он спокойно заерзал на своем месте.

— Я в работе не отстаю, Терентий Никитич, — хмуро вставил он. — У меня причина есть. Ну, хоть сейчас, — выкрикнул он с неожиданной решимостью. — Меня Фокин укоряет. Вызываю Фокина соревноваться. Формально, по всем статьям...

— Что ж, можно, — улыбнулся Фокин.

Бригадники засуетились. Тут же гурьбой прошли в красный уголок составлять договор...

... За их работой следила вся бригада. Первую неделю оба работали хорошо, не отставали от Терентия Никитича.

На беду случился какой-то церковный праздник, и Сайкин прогулял. Стариков особо ехид-

но поглядывал в этот день на Карякина, словно говоря ему, что, мол, моя правда выходит.

Придя на другой день в цех, Сайкин нашел на своем станке новый плакатик:

План бригады Фокин Паша
Выполняет на станке,
Ну, а Сайкин в пьяном раже
Пиво дует в кабаке.

Он сердито сорвал плакат, смял его и бросил под станок.

В обед он виновато подошел к Карякину.

— Мне, Терентий Никитич, никак нельзя было вчера, — не глядя на него, пробормотал он. — У меня... — подыскивал он оправдание прогула.

— Все одно не поверю, — обрезал его Карякин. — Видно, тебе своя пьянка дороже бригады. И говорить с тобой не хочу.

Сайкин хмуро отошел, потом опять подбежал к Карякину и жарко зашептал ему:

— Вот через неделю престольный праздник — святой Никола. Посмотрим, — выйдет ли Фокин. Тут я его и накрою.

Фокин еще никогда в этот день не выходил на работу. Не то, чтобы он верил в какого-то даже неведомого ему Николаю. Но день этот был освящен традициями поколений. В этот день собирались обычно в просторной избе Булкина и разговаривали о всевозможных делах, осушая жбан самогону, который по-особому умел настаивать хозяин, и закусывая знаменитыми солеными грибами хозяйки.

В этот праздник Фокину нельзя было итти к Булкину. Григорий Петрович не мог забыть обиды, нанесенной ему Фокиным в теплушке. Да и самого Фокина не тянуло к Булкину. И даже упитанные, лоснящиеся поросята не радовали сегодня Фокина. И он спокойно следил за ними, зайдя вечером в свинарник, ду-

(Продолжение на 7-й странице)

мая совсем о другом. Он представлял себе, как будет издеваться над ним завтра Сайкин и, наверное, приклеит какой-либо ярлычок.

Но это бы все было терпимо. Главное было то, что вчера перед гудком подошел к нему секретарь ячейки и просил прийти завтра на собрание цехового актива, где будет намечаться последний декадный план выпуска дизелей для Баку.

Дело уже шло на дни, и каждый день был дорог.

Фокин работал теперь над коленчатым валом. Из-за него могла произойти вся задержка в выпуске дизелей.

Секретарь ячейки считает его в активе, а он сорвет план выпуска...

Жена, полусонная, удивленно посмотрела на него, когда он толкнул ее, слезая с кровати.

— Ты куда, Павел! Нешто забыл, — Никола сегодня.

— Ну и оставайся со своим Николой, — зло обругал он жену, поспешно (чтоб не передумать и не опоздать на поезд) наматывая портянку.

Жена от изумления даже не обиделась на ругательство. Она привстала на постели, хотела что-то сказать ему. Но Фокин уже исчез за дверью.

...Быстро, обгоняя других рабочих, он бежал в цех, чтобы попасть к станку раньше Сайкина. „Да он, наверно, и не придет сегодня“, — мелькнула мысль.

В самых дверях он наскочил на маленького человека, и оба они полетели на землю.

Поднимаясь и потирая ушибленное колено, Фокин поглядел на виновника падения и даже ахнул.

Широко улыбаясь, обнажив свои мелкие желтые зубы, перед ним стоял Сайкин.

— Ну, здорово, — протянул он ему руку. — А я,

признаться, думал, что не выйдешь ты сегодня. Даже частушку про тебя приготовил, на станок повесить...

Глядя на его улыбку, усмехнулся и Фокин, поглаживая свою белокурую бородку.

— А я, знаешь, про тебя о том же думал, — сознался он.

АЛ. ИСБАХ

КЛАССИКИ О... ДОРОГОВИЗНЕ СВОИХ СОЧИНЕНИЙ

1

Г. ДЕРЖАВИН

Одноминутки произведений Г. Державина в издании Ленинградского товарищества писателей стоят пятнадцать рублей.

О, ты, мой долгий труд отменный!
Мой одноклассник драгоценный!
Вотще, вотще мечтать о том,
Чтоб стоил три рубля мой том...
Слоны, богатством нагружены,
Коврами Инда покровенны,
И том Державина — одна
Теперь, увя, на вас цена!

2

А. ГРИБОЕДОВ

ГИХЛ выпустил „Горе от ума“ по цене 2 р. за экземпляр при издательской себестоимости его в 23 коп. Размер накладки на себестоимость превосходит 700 проц.

Не образумлюсь.. Виноват!..
И слушаю — не понимаю...
700 процентов налогов хотят
На себестоимость! Я твердо возражаю!
Слепец! Я в ком искал награды всех трудов!

3

А. ПУШКИН

Шесть томов Пушкина в издании Брокгауз и Ефрон стоят 450—500 рублей.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
Но зарастет к нему народная тропа:
Ведь цены на меня скандали вверх упорно,
Достигнув высоты приличного столпа...
Нет! Весь я не умру! Душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит...
Куда там. Ведь меня не купишь за четыре —
Пять сотен за меня отслюнить надлежит...

МИХАИЛ ПУШТИНИН

ИСТОРИЯ С ДЕРЕВОМ

Из Алданского золотопромышленного района сообщают:

„В почтово-телеграфном пункте Б. Нештыр не была принята телеграмма в Алдан (до которого 76 километров) потому, что на провод (по объяснению работника агентства) в январе упало дерево...“
Повидимому, с того времени дерево уже переместилось и само сидит теперь в этом пункте на приеме телеграмм...

ТРЕСТОВСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Абдулинское заводоуправление „Союзмуна“ недоумевает и тревожно оповещает:

„Средневожжский трест категорически воспретил нам вступать в члены в какие бы то ни было общества“.

Вот приказ, которому можно дать какое угодно название, кроме одного: умный.

О ХОРОШЕМ ОТНОШЕНИИ К СВИНЬЯМ

А К Т

Мы, нижеподписавшиеся, зав. свиноводческой товарной фермой колхоза „Большевик“ (Усинского района, Западносибирского края) КУЧЕРОВ, в присутствии ветврача ДЕМЬКИНА и кладовщика ПОЛЕЩУКА, составили акт на свинок, что свинок — не пригодная к жизни...“

Что же все-таки случилось со свинкой? Или она впала в меланхолию? Или хрюкала недостаточно музыкально? Или вела себя недостойно?

Акт далее мудро повествует:

„...Для того, чтобы животное не погубило, мы его пререзали“.

Жить этой свинье, судя по всему, было, очевидно, трудно, но скушать ее оказалось чрезвычайно легко.

МАКАРОННЫХ ДЕЛ МАСТЕРА

В Артемовске изобретены новые дензнаки. Они отличаются продолговатой формой и вдобавок приятны на вкус.

В других местностях Советского союза, а также в Италии, эти дензнаки называются макаронами и пользуются вполне заслуженной популярностью, но отнюдь не в качестве денежной единицы.

Артемовские кооператоры купили явно негодный легковой автомобиль, на котором садить вообще

ТРАМВАЙНАЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ

Рис. Н. Радлова (тема М. Глушкова)

1. Каними ему канутся пассажиры...

2. И каким он сам кажется пассажирам.

ПРИБЕЖАЛИ В ИЗБУ ДЕТИ

Второпях зовут отца: „Тятя, тятя...“

— Что? — спросил тятя.

— Знаешь ли ты, что скоро появится в продаже специальный выпуск

„КРОКОДИЛ В ВОЗДУХЕ“

— Нет, — ответил тятя.

Это был очень плохой тятя. Хороший тятя при этом бы еще объяснил детям, что в специальном выпуске — 16 страниц, много литературного материала, много рисунков, описание воздушного рейда крокодилыцев и т. д.

Стыдно не знать этого!

колле, и заплатили за него 26.000 рублей и еще дополнительно 500 кило макарон.

Теперь понятно, почему этот автомобиль не может сдвинуться с места. Он явно... „перегрузился“ макаронами.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПЛОДАХ, ИЛИ ПЛОДЫ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Некоторые чиновники умудряются даже вокруг огородов наворотить нивесты что.

Директор Ташкентского почтамта т. Коряк приказом по почтамту оштрафовал 10 работников по 10 рублей каждого за то, что в выходной день они не поехали работать на огород. Несмотря на предписание краевого комитета связи, работники денег до сих пор не вернули.

Посеял т. Коряк в своем бюрократическом огороде штрафы, но вырасти из них может только выговор двух сортов: простой или с предупреждением.

ДНЕВНИК „КРОКОДИЛА“

25 СЕНТЯБРЯ. Опять меня зовут на колхозные блины. Получил телеграмму из Казани:

„27 сентября Казани открывается второй всесоюзный съезд колхозников-ударников ит с'езде участвуют 2500 делегатов также представляли соревнующихся республик областей краев ит другие гости тчи С'езде открывается большая выставка ит готовится итересный сабантуй ит приглашаем принять участие с'езде оргкомитет с'езда Жилинский.“

Поехать очень соблазнительно, но у меня уйма дел: с'ода в набор специальный номер „Крокодил в воздухе“, подготавливаю специальный номер „О' бумаге“ и вообще занят по горло, поэтому ответил телеграммой:

Сердечно рад на с'езд ваш взглянуть, Но вы — ушли вперед, — а многие

отстали, И вот, стремясь отстальных подтянуть, На праздник ваш и выберусь едва ли. Мой долг — быть там, где лица есть для впа,

Вы ж первенство свое храните прочно. Желает бодрости вам красный

„Крокодил“

И сабантуй приветствует заочно. 26 СЕНТЯБРЯ. Выехал в специальный рейд в Ленинград. Вылушу ряд своих страничек в многотиражных ленинградских фабрик и заводов. Подробно о своих ппиключениях расскажу в следующем номере.

Рис. Ю. Гаифа (тема А. Бухова)

АРХИВ
24 ОКТ 1933
Г. Ц. К. В.

— Иди обратно в город и смотри не попадайся снова в концлагерь.
— А кто теперь разберет, где у нас город, а где концлагерь?

ФОНАРИ

(почти по Чехову, но факт)

Август. Глухая беззвездная ненастная ночь. Тяжело шлепая колесами, вверх по Волге к Кимрам пробирается пароход. С берега доносится сильный озобоченный лай деревенских собак. Судно идет с единственным ориентиром на собачий лай, ибо ни один бакен не горит. Форватер потерян в чернильном мраке ночи.

Капитан стоит на мостике и последними словами ругает ночь, бакенщиков, Степана Петровича из РУРТ, его мать и опять ночь и бакенщиков. „Самый тихий!“ — командует он в машину. Кряхтя, пароход ползет еще несколько метров и вдруг останавливается, неожиданно уткнувшись носом в берег. Так он стоит до рассвета.

Наступает утро, и оказывается, что все движение на Верхней Волге было прервано на 4 часа из-за странной „забастовки“ бакенов на участке Калязин — Кимры. Из Рыбинска на расследование приезжает инспектор судового надзора, немолодой, хмурый человек, в водничьей фуражке с гербом. Он узнает, что фонари с бакенов были сняты по распоряжению председателя колхоза „Красная волна“, Калязинского района, Смертинского сельсовета. Инспектор садится в телегу и едет в „Красную волну“.

Он находит председателя в избе правления колхоза. Председатель, жилистый мужчина с рябым лицом и влажными, беспокойно блуждающими глазами, сидит за столом, покрытым красным сатином, и деловито сопя, что-то пишет.

— Здравствуйте! — мрачно говорит инспектор. — Это вы сняли фонари с бакенов на Волге?

— Конкретно — мы.

— Для чего вам понадобились бакенные фонари?

Влажные глаза председателя „Красной волны“ зажигаются бодрым огоньком.

— Конкретно, — выполняем директиву: ночной обмолот! Нам без фонарей ни в какую не обмолотиться, милый человек. Это понимать надо.

Инспектор болезненно морщится.

— Не было такой директивы, чтобы фонари с бакенов на обмолот снимать и все движение на Волге останавливать!

— А местная инициативка на что? Да ты не беспокойся, милый человек, мы твои фонарики аккурат сегодня утречком обратно повстремляли. Честь по чести. У нас все равно керосинчику нехватило. Завхоз обмишулился: мало привез. Чуток помолотили и повстремляли.

— Да ведь без этих фонарей пароходы-то ночью итти не могли! Ведь азарии могли произойти!

— Это у тебя, конкретно, наблюдается оппортунизм, дорогой товарищ. Чуть что — не можем плыть, фонарей, вишь, нет, чорта в ступе нет! Трудностей боишься, дорогой товарищ!

— Из-за того, что вы сняли фонари, движение на Волге стояло четыре часа, и государство потерпело большие убытки. Ты хоть это пойми!

Председатель „Красной волны“ презрительно усмеивается:

— Это нас, конкретно, не касается. Ты к реке приставлен, ты ее блюди. За это тебе жалованье платят.

— Махнув рукой, инспектор сухо говорит:

— То, что вы сделали, — вредительство и подрыв транспорта. За снятие фонарей с бакенов я вас должен к суду привлечь!

Бурное негодование охватывает председателя „Красной волны“.

— Привлекай, привлекая! Много вас таких раскатывает привлечателей! Я на суде конкретно скажу, что ты мне весь план обмолота сорвал. Я без фонарей ни в какую план не выполню. Будешь акт писать, — отметь, что я ответственность за обмолот по причине фонарей целиком и полностью с себя сложил.

Не слушая его, инспектор молча пишет акт. Председатель „Красной волны“ следит за движениями вселосатой инспекторской руки и вдруг, вздохнув, говорит:

— Ты, прежде чем акты писать, лучше поинтересовался бы, как мы яйцезаготовки выполнили. На все сто! А вот в „Освобожденном труде“ яйцезаготовки конкретно провалили, это — факт. Он отсюда верстах в шестнадцать будет, „Освобожденный труд“. Гатью поезжай, аккурат к ужину поспеешь.

Инспектор дает ему подписать бумагу, и председатель подписывает ее с оскорбленным и скорбным выражением лица. Глаза у него совсем мокрые. Подписывая, он бормочет: „За фонарь — под суд! Я таких фонарей сколько хочешь в Рыбинске достану“.

Инспектор выходит из избы и садится в телегу. Лошадь трогает. Вздрогнув, лепечет звонкую свою чепуху поддужный бубенчик. Председатель „Красной волны“ стоит на пороге и, подтягивая спадающие штаны, кричит:

— Гатью, гатью поезжай! Там, в „Освобожденном труде“ Шишов Матвей председателем. Рыжий такой, борода лопатой. Это он, оппортунист, яйцезаготовки провалил! Вз'ерепень его конкретно как следует!

Но телега скрывается за поворотом, и инспектор судового надзора не слышит советов председателя „Красной волны“.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Читай
„КРОКО-
ДИЛ В
ВОЗДУХЕ“